

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

АРЕОПАГИТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ЗА ПОСЛЕДНЕЕ ПЯТИЛЕТИЕ

За последние пять лет снова оживились разыскания в той области, которая связана с именем Псевдо-Дионисия. Работы, появившиеся до указанного периода, а именно моя работа «Тайна Псевдо-Дионисия»¹ и работа бельгийского академика Э. Хонигмана «Петр Ивер и сочинения Псевдо-Дионисия Ареопагита»², не внесли успокоения в умонастроение, создавшееся вокруг указанных разысканий. Хотя Ф. Дэльгер в рецензии на работу Э. Хонигмана (в которой последний независимо от меня пришел к выводу, что автором так называемого Дионисиевского корпуса был Петр Ивер) высказал в 1953 г. мнение, что «своими наблюдениями Хонигман, по-видимому, разрешил вопрос, терзающий науку долгое время»³, «дионисиевская горячка, — пишет в 1960 г. Ж.-М. Орню, — . . . все время расширяется дальше и дальше»⁴. Работа Орню ставит задачей указать главные моменты этого оживления исследовательского интереса, связанного с автором Дионисиевского корпуса. Она вполне может быть использована для ознакомления с византиноведческими исследованиями по указанному вопросу, хотя и не свободна от некоторых пробелов.

Свой обзор Ж.-М. Орню начинает с моей первой работы по ареопагитике — «Тайна Псевдо-Дионисия Ареопагита» (1942, а не 1944 г., как пишет автор). Незнание русского языка и ознакомление с этой работой через третье лицо помешало, по-видимому, автору обзора понять, что это — моя первая попытка поставить вопрос о подлинном авторе Дионисиевского корпуса. Отсюда и выяснение среды, где следовало бы искать автора, и легенда Захария Ритора, и анализ мотивов ее составления. Этой цели служило и проделанное мною сопоставление высказываний Петра Ивера, сохранных в его биографиях и в Псевдо-Дионисиевых писаниях.

Орню не попытался опровергнуть эти мои сопоставления. Он прошел и мимо тезиса о монофизитстве — диофизитстве Петра — Псевдо-Дионисия: положение о θεωσις исключало традиционную трафаретную постановку этого вопроса о богочеловеке, будучи учением о человекобоге.

Иеротеос моей работы не имеет никакой связи с проблематическим автором «Книги Иеротеоса»⁵. Иеротеос — это наименование, придуманное Петром Ивером для своего наставника — Иоанна Евнуха (Лаза), причем прибавление слова «действительный» (ὄντως) по отношению к Ио-

¹ Ш. Нуцубидзе. Тайна Псевдо-Дионисия Ареопагита. Тбилиси, 1942.

² E. Honigman n. Pierre l'Ibérien et les écrits du Pseudo-Denys l'Aréopagite. Bruxelles, 1952.

³ BZ, 1953, S. 446.

⁴ J. M. Orny s. Les recherches Dionysiennes de 1955 à 1960. Paris, 1960, p. 22.

⁵ См. мою вступительную статью к русскому переводу работы: Э. Хонигман. Петр Ивер и сочинения Псевдо-Дионисия Ареопагита. Тбилиси, 1955, стр. 15.

анну Евнуху предназначалось для подлинного Иеротеоса («храма божьего»).

Сергий из Решаины не был связан «случайно» с Петром Ивером. В моей работе точно устанавливается на основании ряда документальных данных, которые приводить здесь не место, что он был одним из слушателей Петра Ивера по сирийской школе грузин в Майуме и в качестве самого близкого последователя Петра составил и произнес «Слово» на первом поминальном собрании учеников, посвященном учителю.

Орню не совсем точно передает рассмотренный в моей работе большой вопрос о «Книге о причинах»; его извиняет, правда, некоторая неясность, допущенная в моей работе, являющейся первой попыткой освещения этого вопроса. В последующих моих работах, с которыми следовало бы как-то познакомиться автору, пишущему обзор работ о Псевдо-Дионисии, эта неясность устранена с сохранением всей фактической стороны дела ⁶.

Орню указывает, что Сергий из Решаины не писал «Книги о причинах». Еще более ошибочно его мнение, будто Сергий находился под большим влиянием «Элементов теологии» Прокла ⁷. Мне незачем было устанавливать эти вещи, так как они не имели никакого значения для выяснения основного вопроса, что «Книга о причинах» принадлежала Дионисиевскому корпусу и выпала из него только из-за того, что была написана на грузинском языке, как об этом свидетельствует грузинский мыслитель XI—XII вв. Иоанн Петрици ⁸.

Возможно, что ближайший ученик и последователь Петра Ивера — Сергий из Решаины — перевел вместе с Дионисиевским корпусом и «Книгу о причинах», считая, что это одно целое. Здесь же надо отметить, что все другие книги Дионисиевского корпуса переведены Сергием очень точно, а «Книга о причинах» дана в вольном переводе на сирийский язык, как правильно пишет Орню ⁹. Более углубленное изучение текста «Божественных имен» Псевдо-Дионисия дало возможность установить, что он, как следует из указания во введении к этому труду, написал особую работу «О причинах» ¹⁰.

Орню затрудняется усмотреть логическую последовательность в моих выводах, и я должен признать, что это объясняется недостаточностью фактического материала, добытого при работе над моей первой книгой о Псевдо-Дионисии. В дальнейшем, и особенно в монографии, которую я сейчас печатаю на русском языке, я снова — и, надеюсь, окончательно — устанавливаю характер и значение работы Петра Ивера «О причинах» ¹¹. То обстоятельство, что «Книга о причинах», в отличие от всех других книг Дионисиевского корпуса, была написана на грузинском языке, не только решающим образом повлияло на судьбу этого ареопагитского

⁶ См. Ш. И. Нуцубидзе. Руставели и Восточный ренессанс. Тбилиси, 1947; е го ж е. Вступительная статья «Еще раз о тайне Псевдо-Дионисия Ареопагита» к русск. переводу работы Э. Хонигмана «Петр Ивер и сочинения Псевдо-Дионисия Ареопагита» (Тбилиси, 1955); е го ж е. Петр Ивер и проблемы ареопагитики. Тбилиси, 1957; е го ж е. История грузинской философии. Тбилиси, 1960. Я привожу только работы, написанные на русском языке.

⁷ J. M. Н о р т о n. Op. cit., p. 25.

⁸ Иоанн Петрици. Труды, т. XI. Тбилиси, 1937, стр. 218.

⁹ Когда я писал в 1941 г. свою работу «Тайна Псевдо-Дионисия Ареопагита», у меня не было под рукой сирийского текста трактата Сергия «О причинах», находящегося в библиотеке Британского музея. После любезной передачи мне Британским музеем этого текста я уточнил, что работа Сергия — передача работы Петра «О причинах» (см. Ш. И. Нуцубидзе. О начальных источниках «Книги о причинах». ВВ, XX, 1961, стр. 156 сл.

¹⁰ Pseudo-Dionysius. De divinis nominibus, II, 9: ἐν ἄλλοις ἰκανῶς εἴρηται, после чего дается воспроизведение содержания этой работы «О причинах».

¹¹ Ш. И. Нуцубидзе. Петр Ивер и философское наследие античности. Тбилиси, 1963.

писания, оторвав его от Дионисиевского корпуса, но и предопределило его особый путь как на Восток, сыграв большую роль в деле создания арабского аристотелизма, так и на Запад, проникнув через Северную Африку и Испанию (где оно было переведено Жераром из Кремоны в 1187 г. с арабского на латинский язык) до Парижа в пору идеологических битв на грани наступающего XIII века.

В своем обзоре Орню приводит содержащиеся в моей работе сведения о существовании на грузинском языке многочисленных экземпляров известной «Автобиографии Дионисия» и из факта упоминания в них работ Дионисия пытается заключить: «Не значит ли это, что эти работы приписывались другому автору?» Безусловно, Орню прав: приведенный документ действительно указывает на то, что Дионисий (а не Псевдо-Дионисий) никогда не был автором ареопагитских писаний¹².

Орню приводит мой якобы «последний аргумент», заключающийся в том, что грузинский поэт XII в. Чахрухадзе писал, что из всех философов только Дионисий, связанный с Эносом, мог бы прославлять величие грузинской царицы Тамары. Это место есть в моей книге, но это не доказательство, а иллюстрация, не больше. Там же приводится у меня другое место из Чахрухадзе, которое прямо указывает на «создателя книг Дионисия»; это во всяком случае означает, что книги, приписываемые Дионисию, «созданы» кем-то другим, кого по церковным условиям в тогдашней Грузии назвать было нельзя.

Орню поторопился со своими выводами, не остановившись на моих действительно «последних» аргументах. Во всяком разыскании такого характера, когда приходится разгадывать тайну 15 веков, аргументы всегда делятся на решающие и на те, которые выясняют возможность решения проблемы. У меня с Э. Хонигманом, через 10 лет подтвердившим мое положение о подлинном авторе ареопагитских книг, почти полностью совпадают аргументы, доказывающие возможность решения проблемы; к этим аргументам Э. Хонигман пришел совершенно независимо от меня¹³. Из них главный и общий для нас обоих — тождество Иоанна Евнуха (Лаза), учителя Петра Ивера, и Иеротеоса — учителя Псевдо-Дионисия. Это заключение основывалось на совпадении высказываний Иоанна Евнуха, главным образом об ангелологии, с высказываниями Иеротеоса; оно не могло быть и не было неоспоримо.

Вместе с тем у каждого из нас есть свой последний и решающий аргумент. Хонигман нашел его в совпадении смерти Иеротеоса со смертью Иоанна. Это было блестящим доказательством тождества обоих лиц, и на этом ему следовало остановиться: Иеротеос («храм божий») было прозвище, псевдоним; конечно, умер носитель псевдонима — Иоанн Евнух (Лаз). Но Э. Хонигман поддался соблазну связать установленный им неопровержимый факт с литургическими памятниками восточновизантийских церквей, которые якобы должны были установить посмертную связь поминовений учителя и ученика — 3 и 4 октября. Это оказалось не менее спорным, и Хонигман сам ослабил свою позицию.

Мой решающий аргумент содержался, правда, в форме неясного указания, уже в моей первой работе, где я писал «о грузинском переводе-интерпретации Прокла». Эта неясность не позволила Орню уловить главное, а именно, что Псевдо-Дионисий писал по-грузински. Вопрос был решен окончательно, когда мне удалось уточнить, что Псевдо-Дионисий написал книгу «О причинах» путем переработки «Элементов теологии» Прокла, составленной для него другом Прокла и учителем Петра Ивера — Иоанном Евнухом.

¹² J. M. Hornus. Op. cit., p. 25.

¹³ См. Э. Хонигман. Ук. соч., стр. 41.

Чтение работы Орню дает основание думать, что если бы он ознакомился с моими последующими работами, особенно же со сводной монографией о Петре Ивере, то он, не колеблясь, принял бы, как он сам его называет, тезис Хонигмана — Нуцубидзе¹⁴.

Для общей оценки работы Орню характерно, что он стоит на позициях церковно-католических писателей, которые на первый план выдвигают литургические аргументы. Конечно, литургические аргументы могут быть в ограниченных пределах предметом исторического рассмотрения, но автор ареопагитики принадлежит истории философии, и если он развивал свои мысли под покровом христологии, то это была дань переходному времени от античности к христианству.

Наиболее характерным явлением для ареопагитских разысканий за указанное пятилетие, продолжающим научное умонастроение предыдущих лет, является то, что уже не ставится серьезно вопрос о новых кандидатах на место Псевдо-Дионисия. В 1958 г. Берлинская академия наук заслушала сообщение У. Ридингера о возможной идентификации Псевдо-Дионисия с деятелем V—VI вв. Петром Фулоном¹⁵. Интерес к предложению Ридингера был вызван, по всей вероятности, эффектом внешних сближений. При ближайшем изучении обнаружилось, что в основном то же самое значительно раньше и безрезультатно предлагал известный церковный исследователь Лекьен¹⁶. В настоящее время показательно заявление Орню: «Прослеживая шаг за шагом доказательства (Ридингера. — Ш. Н.), к сожалению, надо сказать, что если сближения не лишены интереса и эффективны, все же не видно ни одного решающего доказательства»¹⁷.

В течение последнего пятилетия борьба вокруг Дионисия Ареопагита изменила свое направление. Если раньше почти все внимание науки сосредоточивалось вокруг вопроса о подлинном авторе так называемых ареопагитских книг, и анализ их идейного содержания производился с этой точки зрения, то в последнее время вопрос о подлинном авторе постепенно отошел, как уже указывалось, на задний план либо же вовсе снят с повестки дня. Литургические же разыскания, как бы они ни были ценны, не могли перекрыть главного: автор ареопагитских книг — переходная ступень от античной философии, поставившей, но не решившей проблему негативной диалектики¹⁸. Отсюда получился синтез негативной диалектики и негативной теологии.

Более склонные к литургическим аргументам Рок и другие до последнего времени пытаются использовать для своих целей христологические места сочинений Псевдо-Дионисия¹⁹. Они обращаются к известному месту из 4-го письма Псевдо-Дионисия, которое якобы показывает ортодоксальность последнего. Однако высказанная там мысль: «не будучи человеком, как и нечеловеком, он из людей высшей человечности сверхчеловек, ставший истинным человеком»²⁰, совпадает с развитой во введении к «Божественным именам» негативной диалектикой. Сущность последней заклю-

¹⁴ J. M. H o r n u s. Op. cit., p. 25.

¹⁵ SBAW, 1958. То же сообщение заслушано на Международном византиноведческом конгрессе в Мюнхене в 1958 г. (см. «Akten des XI. Internationalen Byzantinisten-Kongresses». München, 1960).

¹⁶ J. M. H o r n u s. Op. cit., p. 57.

¹⁷ Ibid., p. 53.

¹⁸ Еще Гегель указывал на то, что античные мыслители до самого Прокла не сумели применить негатию к богу и что это выпало на долю «церковных философов» (H e g e l. Sämtliche Werke hrsg. v. Glockner, Bd. XI. Stuttgart, 1928, S. 61f).

¹⁹ R. R o q u e s. L'univers d'yonisien, p. 310; цит. по: J. M. H o r n u s. Op. cit., p. 47; ср. R. R o q u e s. Pierre l'Ibérien et le Corpus dionisien. «Revue de l'histoire des religions», t. 145, p. 69—98.

²⁰ PG, t. 3, col. 1072C.

чалась, в отличие от высшей для античной философии ступени, как она была дана у Прокла, тем, что третья ступень диалектики не есть позитивный синтез тезиса и антитезиса, а снятие обоих и их воссоздание через негацию. Простой пример оттуда же, согласно переложению Иеротеоса: «добро — недобро — сверхдобро». Поэтому понятие бога могло быть не в сфере противоположностей (добра — недобра), а в сфере сверхдобра (высшего добра). Так применил автор негативной диалектики негацию к понятию бога, слив в одно негативную диалектику и негативную теологию ²¹.

Со времени Севера Антиохийского (конец V—начало VI в.) это место считалось решающим для Псевдо-Дионисия. В наше время итальянский исследователь Дионисия Корсини, как Рок и другие, только пересказывает то, что было известно при Севере Антиохийском ²².

Для обзора византиноведческих исследований за последнее пятилетие необходимо привлечь и такие труды, как новый русский перевод трактата Псевдо-Дионисия «О божественных именах» Г. Эйкаловича, изданный в Америке с предисловием проф. Киприна (Керна) ²³. Эта работа отсутствует в обзоре Орню, по-видимому, потому, что она написана на русском языке, на котором Орню, к сожалению, не читает. Перевод Г. Эйкаловича восполняет недостатки перевода этого трактата на русский язык, изданного в 70-х годах прошлого столетия.

В отношении ареопагитских разысканий важней предисловие К. Керна. Помимо истории вопроса, в частности освещения его в русской литературе, Керн пытается разобраться в проблеме автора так называемых ареопагитских книг. Отвергая церковно-догматическую позицию по вопросу о Дионисии, автор поддерживает критику И. Хаусгера, оспаривающего толкование ангелологии Иоанна Евнуха (Лаза), предложенное Э. Хонигманом, в смысле совпадения высказываний Иоанна Лаза и Иеротеоса ²⁴. Касается он также решающего аргумента Э. Хонигмана о совпадении поминальных данных некоторых календарей. Нового и интересного для ареопагитских разысканий Керн ничего не предлагает. К сожалению, он незнаком, по-видимому, и с моими работами, в частности с работой, вышедшей в 1957 г. и содержащей решительную критику И. Хаусгера ²⁵.

На Западе в истекшем пятилетии занимались новыми переводами и изданиями либо сочинений самого Псевдо-Дионисия, либо же его предполагаемых источников. Так, в Италии С. Счиче перевел на итальянский язык тот же самый трактат «О божественных именах» и «Мистическую теологию» ²⁶.

Событием в ареопагитских разысканиях является работа С. Енукашвили ²⁷. Она представляет собой научно-критическое издание, с пространственным исследованием и филологическим аппаратом, перевода всего Дионисиевского корпуса с греческого на грузинский язык, выполненного грузинским мыслителем XI в. Ефремом Мцире.

²¹ Pseudo-Dionysius. Die divinis nominibus, II, 9. Ср. письмо 4-е, от слов: καὶ τὸ λογόν... до конца.

²² См. J. M. Hornus. Op. cit., p. 47. В свое время на это место обратил внимание Э. Хонигман (op. cit., p. 24).

²³ Псевдо-Дионисий. О божественных именах. Перевод Г. Эйкаловича с предисловием К. Керна. Буэнос-Айрес, 1957.

²⁴ J. Hausherr. Le Ps. Denys est il Pierre l'Ibérien? «Orientalia christiana periodica», Roma, 1953, p. 247—250.

²⁵ Ш. Нуцубидзе. Петр Ивер и проблемы ареопагитики. Тбилиси, 1957.

²⁶ J. M. Hornus. Op. cit., p. 40.

²⁷ Петр Ивер (Псевдо-Дионисий Ареопагит). Труды. Древнегрузинский перевод Ефрема Мцире. Издал, исследованием и словарем снабдил С. Я. Енукашвили. Тбилиси, 1961 (на груз. яз.).

Хотя автор стоит на почве концепции Хонигмана — Нуцубидзе и умело ее отстаивает, он пришел к своей позиции через сравнительное изучение текстов Псевдо-Дионисия и их древнегрузинского перевода. Он многое сделал в этих текстах более ясным. Достаточно указать на предложенное им, на основе комментариев самого Ефрема Мцире, чтение столь важного для нас слова «Иеротеос», означающего, по его мнению, «храм божий», после чего стало понятно толкование этого имени как прозвища, а также упомянутого выше выражения τῷ ὄντως Ἱεροθέῳ — «подлинному (сущему) Иеротеосу».

Для оценки этой большой византиноведческой публикации потребуется специальная рецензия.

В связи с тем, что Иеротеос, как текстуально подтвердил С. Енукашвили, фиктивное имя, может быть, излишне указать на мою статью о палестинских раскопках Вирджилио Корбо и на мою же работу «Иерусалимская научная экспедиция»²⁸. По данным раскопок Вирджилио Корбо и иерусалимской экспедиции, рядом с Псевдо-Дионисием (Петром Ивером) похоронен в могиле, приготовленной Петром, его духовный руководитель — Иоанн Евнух (Лаз), но не видно никаких намеков на могилу Иеротеоса.

О статье в «Dictionnaire de Spiritualité», вышедшей в 1955 г. под заглавием «Дионисий Ареопагит», я не могу судить, так как она мне недоступна. Судя по употреблению имени «Дионисий», а не «Псевдо-Дионисий», легко можно заключить, что работа относится к догматическим кругам, не считающимся с научным прогрессом в этой области.

Таков краткий обзор ареопагитских исследований за последнее пятилетие.

Ш. Нуцубидзе

РАЗВИТИЕ ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЯ В ГЕРМАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ЗА ПОСЛЕДНЕЕ ПЯТИЛЕТИЕ

Со времени опубликования на страницах настоящего сборника сообщения о состоянии византиноведения в Германской Демократической Республике¹ произошло дальнейшее усиление и укрепление германского рабоче-крестьянского государства, еще более возрос его авторитет. Наука также не могла остаться в стороне от этого процесса стабилизации и консолидации. Становилось все более очевидным, что при существовании в Германии двух государств, в корне отличных по своему характеру и политическим целям, нельзя уже больше говорить о единстве немецкой науки². На практике это означало, что научные учреждения Германской Демократической Республики должны были удовлетворять потребности социалистического строительства, развивать дальше добрые традиции немецких ученых и превращать молодую республику в подлинный очаг гуманистической немецкой науки. В этом свете следует понимать и оценивать приводимые ниже факты.

В упомянутом сообщении говорилось о традициях, на которых могло основываться развитие византиноведения в Германской Демократической Республике, и о первых достигнутых результатах.

²⁸ Ш. Нуцубидзе. Палестинские раскопки и вопросы грузинской культуры. «Мнатоби», 1958, № 9 (на груз. яз.); е г о ж е. Иерусалимская научная экспедиция 1960 года. Тбилиси, 1961.

¹ И. Ирмшер. Византиноведение в Германской Демократической Республике. ВВ, XIII, 1958, стр. 313—327. (Автореферат на немецком языке: «Bibliotheca classica orientalis», 4, 1959, S. 5 f.).

² Cp. J. I r m s c h e r. Gibt es eine Einheit der deutschen Wissenschaft? «Informationen der Gewerkschaft Wissenschaft», 1958, 6, S. 1 f.